

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

Его первая заповедь

Татьяна ГУЛИА

В начале прошлого века в старинное абхазское село Лыхны попал русский военный. Звали его Алексей Ермолов. Попал, можно сказать, случайно. Дело в том, что встретил он в Гудауте друга своего Джёниа и тот на фазтоне привез его к себе, в Лыхны. Здесь Ермолову показали древний храм, построенный в десятом веке. Показали дворец владетельного князя на площади рядом с храмом. Перед тем как угостить гостя, поджигитовали на конях. Да и сам Ермолов с удовольствием испробовал свои кавалерийские способности.

Пробыл Ермолов в Лыхны больше двух недель. Очень понравилось село. И он спросил:

— А трудно получить у вас земельный надел?

Абхазцы посоветались.

— А ежели в Бамбóрах?

— Где это?

— Совсем рядом. Почти на берегу моря.

Этот молодой Ермолов, которого абхазцы уже звали Алыкса, оказался человеком молниеносных действий.

— Будет надел — подаю в отставку и остаюсь.

И он получил надел. И остался. Женился на абхазке. У них был сын по имени Чух. Затем главенство в роду перешло к Дауду, от Дауда — к Лакия. У Лакия был сын Кыбей. Настоящий джигит — и статью, и характером. Он погн на фронте Великой Отечественной войны, оставив малолетнего сына Алыксу Ермолова. О нем и пойдет наш рассказ.

Алыкса Ермолов — мужчина, как говорят в народе, видный. Ростом выше среднего, широкоплеч, голос у него низкий, речь чеканная. Его школьные друзья говорят: «У него внешность всегда была артистическая, и нам казалось, что будет он артистом». И не ошиблись.

Алексей Кыбеевич Ермолов рассказывает:

— В 1957 году я окончил лыхненскую среднюю школу. Был у нас в школе драматический кружок. Руководил им большой любитель театрального искусства географ Михаил Чедиа. Репетировали мы в классной комнате, а выступали в Доме культуры. Моя первая роль была в спектакле по пьесе нашего драматурга Самсона Чанба. Меня похвалили, и это меня воодушевило. Я стал много

читать наших поэтов и декламировал их стихи. Мне нравились стихи Леонтия Лабакхуа и Алексея Ласуриа. Наввно думал, что я уже актер и старался вовсю. Кажется, слишком большое значение придавал аплодисментам. Ведь надо знать, что порой аплодисменты бывают поощрительные, а не только в знак большой признательности.

На сельской площади ежегодно устраиваются скачки. Десятки наездников не только района, но и со всей Абхазии принимают участие в них. Это праздник и спортивный, и песенный, и танцевальный. Люди собираются с самого утра, задолго до скачек. Старинные песни чередуются с песнями сегодняшних дней. Каких только здесь не услышишь голосов! От юных до старых, от редкостных до хриплых. Словом, и песни, и голоса на разный вкус.

Алыкса Ермолов не размался на лихом коне. Но с большим успехом выказывал себя отличным певцом. Он не пел фальцетом, что особенно ценится на скачках, но его низкий, бархатистый голос невольно привлекал к себе внимание ценителей народной песни.

Надо сказать, что драматический кружок под руководством Чедиа, песни и танцы на скачках и декламации стихов абхазских поэтов явились недурной школой для молодого человека, любящего театральное искусство и мечтающего стать актером. Однажды на школьном вечере Алыкса Ермолов удостоился похвалы за чтение стихов из замечательного эпоса «Приключения нарта Сасырквы и его девяти братьев». Зачился этот эпос в незапамятные времена и всегда был любимым народным произведением, которым заслушивались абхазцы всех времен и возрастов. Ермолов на вечере показал себя отличным знатоком и интерпретатором эпоса. Чедиа сказал ему: «Да ты, Алыкса, настоящий артист».

Однажды, в десятом классе, довелось Алыксе играть роль миллионера в спектакле по пьесе талантливого абхазского прозаика и драматурга Шоты Чкадуа. В этот вечер к ним приехали работники Министерства культуры Абхазии. По окончании спектакля состоялся короткий разговор с Алыксой. Ему

предложили поступить в театральный институт.

— Смогу ли? — смущенно сказал Алыкса.

— Давайте пробовать...

Алыкса Ермолов выдержал экзамен в Тбилисский театральный институт. Он попал в абхазскую группу, руководителем которой был Гаврил Гаврилович Гвниашвили. С большой теплотой вспоминает часы, проведенные с учителем, актер Абхазского драматического театра им. С. Чамба Алыкса Ермолов.

На всю жизнь заломил Ермолов спектакль «Без вины виноватые». Г. Гвниашвили поручил ему роль Незнамова. Очень уж старался Ермолов! В одну из репетиций постановщик посоветовал: «А ты не старайся. Питайся пожить жизнью Незнамова. Забудь, что ты актер. Забудь, что это роль...».

Совет был подан вовремя. На генеральной репетиции Ермолов учел это замечание. Гвниашвили похвалил: «На сцене надо жить, а не играть. Великий актер всегда живет, а посредственный изо всех сил играет».

Этапным был для Ермолова спектакль «Призраки» народного поэта Абхазии Дмитрия Гулиа, в центре которого стоял один из первых дореволюционных абхазских интеллигентов.

Пьеса глубоко психологична, в ней нет той театральной атрибуции и «горского темперамента», на которых воспитывались многие абхазские актеры.

Ермолову была поручена роль Дауда, бунтаря, чье здоровье подточено смертельной болезнью. Постановщица Нелли Эшба усилила в характере Дауда критическое отношение к феодально-помещичьему строю в Абхазии.

— В этом спектакле, — говорит Ермолов, — Дауд встречается с братом и с отцом после долгой разлуки. Надо было провести сцену без внешней аффектации, с большим внутренним напряжением. Это была трудная задача.

В обширном труде ученого-искусствоведа Алексея Аргуна «История абхазского театра» читаем: «А. Ермолов... создал очень правдивый и цельный образ... Ермолов показал своего героя человеком с большой, доброй, мечтательной душой...».

Именно с этой роли для

актера начинается новый этап, характерный более пристальным вниманием к внутреннему содержанию образа.

Эта линия на психологическую углубленность образа была продолжена Ермоловым в спектакле «Иван-абаха» Михаила Чамбагуа.

В годы Отечественной войны на территории Белоруссии действовал отряд партизан, руководимый бесстрашным командиром Хинтруком Мхонджиа, известным под именем Иван-абаха, память о котором хранят в Белоруссии. Роль партизанского вожака прекрасно исполнил Ермолов. Не внешний эффект, который как бы сам собой напрашивался, но взвешенный творческий подход к раскрытию образа бесстрашного воина-партизана, большого патриота, преданного идее дружбы всех наших народов. Именно эти качества партизана стремился донести до сердца зрителя Ермолов.

— Передо мной стояла трудная задача, — говорит Алексей Ермолов, — показать бесстрашие, но не впадая при этом в «плакатную» позу. Показать не внешними, как бы само собой напрашивающимися средствами, но скупым, убедительным раскрытием существа подвига, когда на карту ставится самое дорогое — жизнь.

В «послужном» актерском списке Ермолова роли в пьесах Шиллера, Чехова, Кальдерона, Ибсена, многих советских авторов.

— Когда меня спрашивают, — продолжает Ермолов, — что я пережил за двадцать с лишним лет на сцене, невольно думаю о своих старших товарищах. Сцена — это место коллективного действия. Мне было бы очень неуютно, если бы рядом с собой я не видел и не слышал таких мастеров сцены, как Шарах Пачалиа, Леварсан Касландиа, Минадора Зухба, Азиз Агба... Это они меня учили каждодневно, ежечасно актерскому мастерству, учили, часто сами того не подозревая.

И еще:

— Если мне приходится играть роль отрицательного героя, я спрашиваю себя: а почему он стал таким? Ведь не родился же он отрицательным? А в образе положительного героя я пытаюсь раскрыть то, что особенно понятно каждому зрителю, чтобы образ стал достоверным, жизненным, душевно близким.

Актерская речь занимает в работе А. Ермолова важное место. Он говорит:

Вопрос языка для меня гораздо шире, чем понимание «сценической речи». Ведь театр наряду со многими важными задачами должен выполнять и еще одну: учить настоящей речи — той самой, прекрасной, которой должен восторгаться зритель, за которую должен любить нас.

Это не только декларация. Ермолов настойчиво добивается того, чтобы абхазский язык звучал так, как надлежит звучать ему в устах мастеров сцены. Его часто приглашают в качестве члена жюри в Абхазский государственный университет, чтобы определить, верно ли, к месту ли и так ли, как следует, произносятся слова. Ермолов также консультирует дикторов на телевидении и радио.

Приверженность Алыксы Ермолова сцене почти фанатична. Собственно, иначе и не может быть. Любить свое дело надо всем сердцем, без остатка.

И актер утверждает:

— Каждая роль — большая или маленькая — требует всего сердца. Если нет сердца — нет ничего!

● Заслуженный артист Грузинской ССР и Абхазской АССР А. Ермолов.

Фото В. Меликяна.